

БУБНОВ Роман Геннадьевич

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНО-
ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ**

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза;
оперативно-розыскная деятельность

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Самарский Государственный Университет»

Научный руководитель: Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Шейфер Соломон Абрамович**

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович

Кандидат юридических наук
Шманатова Валентина Евгеньевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Башкирский Государственный Университет»

Защита состоится 11 декабря 2006 года в 12 часов на заседании диссертационного совета К 212.218.03 при ГОУ ВПО «Самарский Государственный Университет» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Самарский Государственный Университет»

Автореферат разослан 03 ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Безверхов А.Г.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Закрепленное в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации положение о том, что судопроизводство в Российской Федерации осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, получило свое развитие в новом Уголовно-процессуальном Кодексе России,¹ принятие которого явилось важнейшим этапом проводимой в стране судебной-правовой реформы. Утверждение принципа состязательности, при котором функция обвинения, защиты и разрешения дела отделены друг от друга, стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ст. 15 УПК РФ), определило новое понимание уголовного преследования, осуществляемого соответствующими субъектами на всех стадиях судопроизводства в целях изобличения лица, совершившего преступление.

Само понятие уголовного преследования является далеко не новым для науки уголовного процесса, однако, его нормативное обозначение в тексте закона трактуется исследователями неоднозначно, что делает необходимым анализ имеющихся различных подходов к определению этого термина. В настоящее время в литературе высказаны самые различные точки зрения относительно содержания деятельности по уголовному преследованию, соотношения его с обвинением и предварительным расследованием в целом. Но и ранее – до принятия нового УПК РФ, этот вопрос являлся дискуссионным.

Новый УПК РФ впервые определил круг субъектов, осуществляющих данную процессуальную деятельность. Однако объединение таких субъектов как прокурор, следователь, дознаватель, потерпевший, гражданский истец в группу участников процесса со стороны обвинения, порождает немало противоречий, как в теоретическом, так и практическом плане. Они проявляются как в различиях позиций авторов по вопросу о понятии уголовного преследования и обвинения, так и в неоднозначной оценке содержания деятельности названных субъектов.

На практике это приводит к неверному пониманию самими носителями функции уголовного преследования собственной роли в процессе, что является причиной возникающих коллизий между ними и другими участниками, ослаблению позиций обвинительной власти, нарушению прав и законных интересов частных лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, неправильному применению закона.

Уголовное преследование представляет собой также и соответствующий институт уголовного процесса, в связи с чем, существует необходимость комплексного исследования проблем, связанных с реализацией полномочий соответствующих государственных органов и должностных лиц, а также прав и законных интересов частных лиц, пострадавших от преступления, в этой сфере.

Наиболее остро стоят сегодня проблемы соотношения различных форм

---

¹ Далее – УПК РФ.

уголовного преследования, осуществляемого, например, прокурором и следователем (дознавателем), а также обоснование роли потерпевшего (гражданского истца), как активного обвинителя по делам публичного и частно-публичного обвинения, участвующего в уголовном преследовании лица, совершившего преступление.

Общепризнанно, что любая деятельность людей, которая регламентирована нормами права, в том числе и уголовно-процессуальная, реализуется в форме правоотношений. При этом механизм осуществления уголовного преследования его субъектами представляет собой достаточно сложный конгломерат взаимоотношений между ними, в котором, наряду с правоотношениями, реализуются и фактические отношения, сложившиеся за пределами правового регулирования.

Поэтому комплексное исследование института уголовного преследования в уголовном процессе можно с необходимой полнотой осуществить через призму взаимоотношений между его субъектами, охватывающими фактические отношения, административные, внутриведомственные межведомственные и, наконец, уголовно-процессуальные правоотношения.

Из сказанного видно, что актуальность темы диссертации заключается в том, что, несмотря на достаточно глубокую проработку многих вопросов, касающихся уголовного преследования, новое законодательство и практика его применения на современном этапе, ставит перед исследователями задачи переосмысления ранее сформулированных научных положений, с позиций взаимоотношений между его субъектами, взятыми в комплексе.

Степень научной разработки темы. Комплексные исследования, посвященные проблеме взаимоотношений между субъектами уголовного преследования ранее не проводились, однако вопросы уголовного преследования, обвинения, определения процессуального статуса соответствующих субъектов, реализации их прав в уголовном процессе и другие, связанные с затронутой проблемой, не раз являлись объектом рассмотрения, предпринятого в разное время большим кругом авторов, среди которых Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, Н.А. Власова, М.А. Ворончихин, О.В. Голиков, И.И. Григоренко, В.Г. Даев, Ю.В. Деришев, Р.К. Досанов, З.Д. Еникеев, И.В. Жеребятьев, З.З. Зинатуллин, В.В. Иванов, О.А. Картохина, Л.Д. Кокорев, Ю.В. Корневский, О.В. Корнелюк, А.М. Ларин, А.П. Лобанов, А.Г. Мазалов, Л.И. Малахова, П.Г. Марфицин, Л.Н. Масленникова, И.Б. Михайловская, К.В. Муравьев, Т.Н. Мухтасипова, Н.Е. Петрова, И.Л. Петрухин, А.П. Рыжаков, В.М. Савицкий, А.Б. Соловьев, М.С. Строгович, М.В. Танцеров, Т.В. Тетерина, М.Е. Токарева, М.Б. Улищенко, В.Г. Ульянов, А.Г. Халиулин, В.Ш. Харчикова, Г.П. Химичева, Ф.Н. Фаткуллин, И.Я. Фойницкий, Т.Ю. Цапаева, М.А. Чельцов, В.С. Шадрин, С.А. Шейфер, Н.А. Якубович и многие другие, чьи научные труды в основном составили теоретическую базу исследования.

Вместе с тем, своеобразный подход к проблемам уголовного преследования, а также учет практики применения нового УПК РФ, приводит к

необходимости дальнейшего исследования и разрешения ряда спорных вопросов. В частности, нельзя признать решенными проблемы взаимоотношений между государственными органами – субъектами уголовного преследования, а также проблему активного участия частных лиц в этой сфере, расширения и защиты их прав и законных интересов, проблемы разрешения конфликтов между потерпевшими и органами обвинительной власти.

Объект исследования составляют нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие деятельность субъектов уголовного преследования по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения и отношения между ними в этой сфере.

Предметом исследования являются процессуальные отношения между субъектами уголовного преследования на досудебной стадии и в рамках судебного разбирательства. При этом акцент делается на исследовании взаимоотношений между субъектами уголовного преследования только по делам публичного и частно-публичного обвинения, так как именно по данным категориям дел в процессе принимают участие практически все субъекты стороны обвинения, и, соответственно, здесь неизбежно возникают наиболее существенные противоречия между ними.

Целью исследования является комплексное изучение процессуального положения участников процесса со стороны обвинения и на этой основе – их взаимоотношений при реализации уголовного преследования, выработка предложений по совершенствованию правовой регламентации этой деятельности.

В соответствии с указанной целью исследования поставлены следующие **задачи**:

исследовать и проанализировать понятие уголовного преследования и его содержание;

- исследовать основные формы уголовного преследования в зависимости от характера деятельности его субъектов;

- рассмотреть специфические черты процессуальных отношений в сфере уголовного преследования, выработать их основные принципы и провести классификацию этих отношений;

рассмотреть взаимоотношения между органами уголовного преследования и их должностными лицами по поводу возбуждения уголовного дела и проблемы реализации на практике положений закона, регламентирующих порядок возбуждения дела;

- провести анализ взаимоотношений между прокурором и следователем (дознателем) в ходе предварительного расследования, в зависимости от полномочий, которыми обладают данные субъекты;

- определить соотношение форм осуществления уголовного преследования следователем (дознателем) и прокурором в ходе предварительного расследования и исследовать проблемы реализации процессуальной самостоятельности следственной власти по отношению к обвинительной власти;

исследовать диспозитивные начала в осуществлении деятельности частных лиц на этапе возбуждения уголовного дела и определить формы участия их в уголовном преследовании;

- рассмотреть статус заявителя – как участника отношений по уголовному преследованию и определить комплекс его прав на данном этапе, а также необходимость правового регулирования;

определить процессуальные возможности потерпевшего по участию в отношениях по уголовному преследованию в стадии предварительного расследования, выяснить причины пассивности потерпевших в этой сфере и предложить меры по усилению позиций потерпевшего как субъекта уголовного преследования, а также эффективного осуществления потерпевшими данной функции;

рассмотреть проблемы взаимодействия между государственным обвинителем и потерпевшим в судебном разбирательстве, в частности, проанализировать проблему обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения и пути ее решения.

Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания и частно-научные методы: логический, исторический, статистический, социологический, сравнительно-правовой, системно-структурный и другие.

В ходе исследования изучались труды ученых и специалистов в области философской науки, социологии, теории права, государственного (конституционного) права, уголовного процесса и прокурорского надзора. Выводы и предложения, изложенные в диссертации, основаны на анализе Конституции Российской Федерации, международно-правовых актов, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приказов Генерального прокурора Российской Федерации.

Эмпирической основой исследования являются результаты изучения по специально разработанной диссертантом программе 220 архивных уголовных дел, рассмотренных в 2005 году Самарским, Железнодорожным и Октябрьским районными судами г. Самары, а также результаты выборочного изучения уголовных дел, рассмотренных судами различных регионов России, опубликованных и неопубликованных обзоров кассационной практики Самарского и Ульяновского областных судов, опубликованной судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции различных регионов России. Кроме того, проведено обеспечившее репрезентативность стандартизированное интервьюирование 435 практических работников Самарской и Ульяновской областей, городов, расположенных в других регионах: Краснодар, Новосибирск, Пермь, Красноярск, Челябинск, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга.

Новизна исследования состоит в том, что оно является первым после принятия УПК РФ, монографическим исследованием, в котором дан

комплексный анализ отношений, возникающих между субъектами уголовного преследования, а также анализ процессуальных возможностей потерпевшего и гражданского истца активно осуществлять уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения. Комплексный анализ отношений позволил выявить проблемы нормативного регулирования института уголовного преследования в уголовном процессе, в том числе его адекватность реальной ситуации, складывающейся на современном этапе. Своеобразный подход диссертанта к изучению проблем уголовного преследования – через призму взаимоотношений между его субъектами, позволил по-новому взглянуть на многие спорные вопросы этого института, обосновать новые теоретические положения и внести конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, большинство из которых имеют практическую направленность.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Показано, что уголовное преследование можно рассматривать в широком смысле, как деятельность его субъектов на всех стадиях процесса, начиная с момента обнаружения признаков преступления. Уголовное преследование, осуществляемое различными субъектами, имеет и различные формы, специфика которых складывается в зависимости от характера процессуальной деятельности соответствующего участника. Так, уголовное преследование, осуществляемое следователем, имеет в основном исследовательский характер и ведется в форме предварительного расследования, а до этого и в форме «доследственной проверки». Основными формами осуществления уголовного преследования прокурором является процессуальное руководство расследованием и надзор за его законностью и обоснованностью, а также поддержание государственного обвинения в суде.

2. Сформулированы основные принципы, которым должны соответствовать правоотношения между субъектами уголовного преследования: принцип процессуальной самостоятельности субъектов; принцип взаимодействия и согласованности действий; принцип разграничения компетенции между субъектами; сочетание публичных и частных начал в процессуальных отношениях между различными субъектами.

3. Исходя из того, что следователь и дознаватель, как субъекты уголовного преследования, обладают процессуальной самостоятельностью, правоотношения между ними и прокурором, реализующим свои полномочия, не должны ограничивать следователя или дознавателя в принятии процессуальных решений по делу. В частности, они должны обладать правом на самостоятельное принятие решения о возбуждении уголовного дела, в соответствии с правилами о подследственности.

4. Обоснованно положение о необходимости усиления процессуальных гарантий самостоятельности и независимости следственной власти от обвинительной власти, которую представляет прокурор. Осуществление прокурором надзора за предварительным расследованием не предполагает его вмешательство в поднадзорную деятельность. Поэтому прокурор должен

обладать только правом давать следователю обязательные к исполнению поручения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Указания прокурора по любым иным вопросам не должны быть обязательными для следователя. Отношения между этими субъектами должны быть в большей степени процессуально-правовыми, с соблюдением самостоятельности каждого из них.

5. Предложено заменить «разрешительный порядок» производства следственных действий и принятия процессуальных решений, подлежащих судебному контролю, предусматривающий получение предварительного согласия прокурора на обращение в суд, на «уведомительный», при котором прокурору должна быть направлена только копия вынесенного постановления и ходатайство перед судом. Следователь должен иметь возможность самостоятельно заявлять ходатайство суду о производстве следственного действия или применении меры пресечения, требующих в соответствии с УПК РФ контроля со стороны суда.

6. Формулируется положение о том, что в основе уголовно-процессуального регулирования взаимоотношений между частными лицами и органами уголовного преследования лежат конституционные принципы правосудия, закрепленные в частности в ст. ст. 18, 21, 45, 46 и 52 Конституции РФ, выражающие обязанность государства по обеспечению прав жертвы преступления, включая право на преследование в порядке уголовного судопроизводства лиц, совершивших преступление.

7. Показано, что на этапе возбуждения уголовного дела, также осуществляется уголовное преследование, субъектом которого должен признаваться заявитель. В этой роли выступает либо сам пострадавший, либо иное лицо, направившее заявление о совершении преступления. Для активного осуществления данной функции, процессуальный статус заявителя должен включать достаточно широкие полномочия.

8. Обоснованна необходимость преодоления пассивности потерпевшего во взаимоотношениях с государственными органами, обусловленной отсутствием процессуальных гарантий для реализации его права на уголовное преследование. В связи с этим предлагается предусмотреть в УПК РФ механизмы реализации этого права и соответствующие процессуальные гарантии, а также существенно расширить перечень прав потерпевшего, которые давали бы ему возможность активного преследования обвиняемого.

9. С опорой на международно-правовые акты и решения Конституционного Суда РФ показано, что состязательное построение процесса, предполагает не только разрешение судом спора между стороной защиты и обвинения, но и спора между частным лицом – потерпевшим от преступления с органами уголовного преследования. Потерпевший должен иметь возможность обращаться к судебной власти, в случае спора относительно наличия оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также при несогласии с тем или иным процессуальным решением управомоченных органов. Представляется, что гарантией права потерпевшего на осуществление

уголовного преследования может стать введение в УПК РФ порядка, в соответствии с которым суд может возвратить уголовное дело прокурору для проведения дополнительных следственных действий, если об этом ходатайствует потерпевший, права которого были нарушены в ходе предварительного расследования. При этом суд оценивает характер и степень допущенных нарушений. Такой порядок вполне соответствует принципу состязательности, так как инициатором дополнительного расследования станет не суд, а потерпевший, который отнесен законом к субъектам уголовного преследования.

10. Предложено решение наиболее острой проблемы взаимоотношений между потерпевшим и государственным обвинителем в судебном разбирательстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, связанной с отказом прокурора от обвинения и прекращением судом на этом основании уголовного дела и уголовного преследования. Наиболее верным и обоснованным из всех предлагаемых вариантов решения проблемы и вполне соответствующим принципу состязательности способом обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, является предоставление потерпевшим права самостоятельно поддерживать обвинение в суде при отказе от него государственного обвинителя.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что содержащиеся в нем выводы и рекомендации формируют новые аспекты научной разработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, нормотворческой деятельности, способствуют дальнейшему научному исследованию института уголовного преследования и процессуальных отношений, возникающих в данной сфере. Выводы и рекомендации, сделанные диссертантом, могут быть использованы и в учебном процессе, при освещении соответствующих разделов курса «уголовно-процессуальное право». Практическая значимость работы в том, что результаты исследования могут быть учтены в правоприменительной деятельности субъектов уголовного преследования.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного процесса и криминалистики Самарского Государственного Университета. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на итоговых научно-практических конференциях в период с 2003 по 2006 гг. По теме диссертационного исследования опубликовано четыре научные статьи, отражающие наиболее проблемные вопросы, возникающие в практике применения действующего УПК РФ и затронутые в диссертации.

Структура и объем диссертации определены исходя из логики исследования, его объекта, предмета, целей и задач. Работа состоит из введения, трех глав, девяти параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, характеризуется уровень ее разработанности, формулируются цели и задачи диссертационного исследования, раскрывается эмпирическая и методологическая основы работы, ее научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, показана теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

Первая глава – «Уголовное преследование: понятие, субъекты и принципы взаимоотношений между ними» – состоит из трех параграфов и содержит теоретические положения, составляющие базу для дальнейшего исследования.

В первом параграфе – «Понятие уголовного преследования и его содержание» – представлен анализ научных взглядов на понятие уголовного преследования, существующих в теории уголовного процесса и показано соотношение его с понятием обвинения. Резюмируется, что в науке сложилось традиционное понимание обвинения в двух смыслах: материально-правовом – как утверждения о совершении лицом уголовно-наказуемого деяния и процессуальном – как деятельности соответствующих субъектов, направленной на обоснование обвинительного тезиса о виновности конкретного лица в совершении преступления. В связи с этим, в диссертации критически оцениваются высказывания некоторых авторов (Л.И. Малахова и В.О. Асанов) о наличии, якобы, четкого разграничения в УПК РФ уголовного преследования и обвинения. Диссертант разделяет мнение А.М. Ларина, а также О.А. Картохиной, А.П. Лобанова, П.Г. Химичевой и других авторов, о том, что обвинение (функция обвинения) является частью, а точнее – одной из форм уголовного преследования.

Рассмотрена также и содержательная сторона понятия уголовного преследования. Анализ различных точек зрения по этому вопросу, показывает, что, определяя содержание уголовного преследования как изобличительную деятельность, многие авторы исходят из того, что эта деятельность осуществляется только уполномоченными органами государства (А.Б. Соловьев, М.С. Шалумов, А.П. Лобанов, А.П. Рыжаков), только в отношении конкретного лица (подозреваемого либо обвиняемого) и может вестись только после возбуждения уголовного дела (А.П. Гуляев, М.С. Строгович, А.Г. Халиулин). Автор подвергает критике справедливость подобных суждений. Во-первых, утверждение о том, что данная деятельность, осуществляемая исключительно уполномоченными органами государства в уголовном процессе, в настоящее время не согласуется с законодательным определением уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ), к субъектам которой главой 6 УПК РФ причислены также потерпевший, гражданский истец и их представители. Кроме того, ст. 22 УПК РФ прямо предусматривает право потерпевшего на осуществление уголовного преследования. Во-вторых, указание в качестве неперемennого условия осуществления уголовного преследования наличия конкретного лица, в

отношении которого эта деятельность ведется, оставляет без внимания деятельность соответствующих субъектов, которая осуществляется до появления такого лица в процессе или до возбуждения уголовного дела.

В связи с этим, уделено особое внимание одному из самых дискуссионных вопросов темы – определению начального момента уголовного преследования. От его решения зависит определение возможности осуществления уголовного преследования в отношении пока что не выявленного (потенциального) подозреваемого или обвиняемого.

Диссертант отстаивает широкий подход к определению уголовного преследования, полагая, что оно берет свое начало еще до возбуждения уголовного дела, в момент обнаружения признаков преступления. Подтверждением этому, в частности, является ч. 2 ст. 21 УПК РФ, которая устанавливает: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Данный вывод опирается и на правовую позицию Конституционного Суда РФ, отраженную в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П, согласно которой о факте уголовного преследования может свидетельствовать не только акт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, но и применение в отношении этого лица иных процессуальных мер, предпринимаемых в целях его изобличения или свидетельствующих о наличии подозрений против него.

Анализ научных взглядов на понятие уголовного преследования, позволяет сделать вывод, что «широкий» подход к определению уголовного преследования вполне соответствует и формулировке, закрепленной в п. п. 55 ст. 5 УПК РФ. Однако в нормативное определение этой деятельности следовало бы включить не только деятельность по изобличению лица, совершившего преступление, но и деятельность по установлению события преступления, которая может осуществляться до появления в деле подозреваемого. В связи с этим, предложено следующее определение: «Уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления события совершенного преступления и изобличения лица, его совершившего».

В параграфе втором – «Проблемы определения круга субъектов уголовного преследования» – рассматриваются вопросы, связанные с причислением к стороне обвинения таких субъектов, как прокурор, следователь и дознаватель, потерпевший и гражданский истец. Анализ положений УПК РФ и литературных источников позволяет констатировать, что исходя из конкретного содержания деятельности каждого из этих лиц, процессуальная функция всех участников уголовного судопроизводства, перечисленных в главе 6 УПК РФ и наделенных законодателем статусом субъектов уголовного преследования, не может быть однозначно определена как обвинение. Однако, рассмотрение содержания деятельности каждого из названных субъектов с

позиций состязательного построения процесса, позволяет сделать вывод, что их единственной процессуальной функцией является уголовное преследование. На этом основании, предлагается отказаться от стереотипных взглядов на прокурора, как на «блюстителя законности» и на сведение деятельности следователя исключительно к расследованию, не имеющему обвинительного характера, на потерпевшего – как на «лицо, содействующее правосудию».

По мнению автора, широкая трактовка уголовного преследования, позволяет считать, что оно имеет и различные формы, специфика которых складывается в зависимости от характера процессуальной деятельности соответствующего участника. Поэтому существует плюрализм форм и методов осуществления уголовного преследования. Так, уголовное преследование, осуществляемое следователем, имеет в основном исследовательский характер и ведется в форме предварительного расследования, а до этого и в форме «доследственной проверки». Основными формами осуществления уголовного преследования прокурором является процессуальное руководство расследованием, надзор за его законностью и обоснованностью, а также поддержание государственного обвинения в суде. Частные лица принимают участие в уголовном преследовании в различных формах, используя соответствующие полномочия, предоставленные им законом. Потерпевший самостоятельно осуществляет уголовное преследование, представляя обвинительные доказательства и заявляя ходатайства, а также в форме предъявления и поддержания гражданского иска, выступая в роли гражданского истца.

В третьем параграфе – «Понятие, принципы и классификация взаимоотношений субъектов уголовного преследования» – анализируются взаимоотношения между субъектами уголовного преследования. Определяя понятие взаимоотношений, диссертант, включает в них не только процессуальные правоотношения между рассматриваемыми субъектами, но и правоотношения, урегулированные иными отраслями права – административные (внутриведомственные, межведомственные), гражданско-правовые, а также отношения, которые не подверглись правовому регулированию.

Для более глубокого уяснения содержания правоотношений между субъектами уголовного преследования, предлагается классифицировать их по различным критериям: по субъектному составу, по стадиям уголовного судопроизводства, а также по видам уголовного преследования.

На основе положений конституционно-правового и уголовно-процессуального законодательства в диссертации формулируются основные принципы, которым, по мнению автора, должны соответствовать взаимоотношения между субъектами уголовного преследования в ходе его реализации. Это принцип процессуальной самостоятельности во взаимоотношениях между субъектами в сфере уголовного преследования, принцип взаимодействия и согласованности действий субъектов по достижению значимого для них результата, принцип разграничения

компетенции между субъектами уголовного преследования, сочетание публичных и частных начал в уголовно-процессуальных правоотношениях между субъектами, относящимися к различным группам. Подчеркивается, что в сфере уголовного преследования в основе взаимоотношений между субъектами обвинительной деятельности, в роли которых выступают частные лица, и государством лежат конституционно-правовые принципы соблюдения прав человека и гражданина, включая право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Вторая глава – «Взаимоотношения между должностными лицами – субъектами уголовного преследования», – состоит из трех параграфов и посвящена анализу особенностей взаимоотношений между государственными органами и их должностными лицами – субъектами уголовного преследования: прокурором, следователем, дознавателем и начальником следственного отдела.

В первом параграфе – «Взаимоотношения между прокурором и органами расследования при возбуждении уголовного дела», анализируются правоотношения, возникающие между прокурором и следователем (дознавателем) на начальном этапе процесса. Делается вывод, что, ставший новеллой действующего уголовно-процессуального законодательства порядок возбуждения уголовного дела, вызывает на практике массу неясностей и затруднений. Введение обязательного согласования с прокурором решения о возбуждении уголовного дела, вызывает разночтения в определении момента, с которым закон связывает начало предварительного расследования. Буквальное толкование соответствующих норм УПК РФ, приводит к выводу о том, что юридическую силу постановление о возбуждении уголовного дела, вынесенное следователем или дознавателем, приобретает только с момента его согласования с прокурором. Однако такой порядок противоречит положениям УПК РФ о праве следователя (дознавателя) самостоятельно возбудить уголовное дело, если им выявлены достаточные данные о совершении преступления. В этом случае имеет место нарушение процессуальной самостоятельности следователя (дознавателя), принимающего решение на основе своего внутреннего убеждения.

Изучение практики показывает, что порядок согласования решения о возбуждении уголовного дела с прокурором, нарушает также принцип разграничения компетенции субъектов, распределения ответственности за принятие процессуальных решений и порождает нежелательные проблемы. Например, следователи нередко полагаются на «мудрость» прокурора, принимающего окончательное решение и слагают с себя ответственность за его принятие. В ходе проведения исследования были выявлены также различные нарушения действующего порядка: получение согласия спустя длительное время, оформление процессуальных документов без указания даты или «задним числом», получение согласия прокурора устно, заранее, в том числе с предварительным оформлением соответствующего бланка и т.п. Анализ практики показал, что в большинстве случаев предусмотренная УПК РФ процедура согласования возбуждения уголовного дела, реально не действует. В

связи с этим, в диссертации предлагается вернуться к прежнему порядку возбуждения уголовного дела и предоставить следователю (дознавателю) право самостоятельно, при наличии оснований, принимать соответствующее решение.

Отмечается, что взаимоотношения прокурора и следователя (дознавателя) по поводу возбуждения уголовного дела, могут строиться как правоотношения надзирающего и поднадзорных субъектов. Эти правоотношения не предполагают лишение следователя или дознавателя самостоятельности в принятии решения о возбуждении дела по воле прокурора. Надзор прокурора означает лишь повторную проверку уже принятого решения с точки зрения его обоснованности и законности и не предполагает вмешательство прокурора в поднадзорную деятельность. Для этого достаточным было бы указания в законе на то, что постановление о возбуждении уголовного дела должно быть незамедлительно направлено прокурору. Также, по аналогии с порядком принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, желательно установить для этого срок, равный 24 часам.

Во втором параграфе – «Сочетание исследовательской и обвинительной функции во взаимоотношениях следователя (дознавателя) и прокурора в ходе предварительного расследования» диссертантом исследуются процессуальные отношения между прокурором и следователем (дознавателем) в стадии предварительного расследования. Отмечается, что характер этих отношений предопределяется характером полномочий, которыми обладают названные субъекты уголовного преследования. Их критический анализ, показывает, что в результате произведенных в российском уголовном процессе реформ, обвинительная власть фактически получила под свой контроль предварительное расследование, превратив его в «прокурорское дознание», в котором следователю отведена лишь роль безвольного исполнителя прокурорских указаний. В диссертации обосновывается тезис, согласно которому, наличие в смешанном уголовном процессе современной России стадии предварительного расследования, где основной процессуальной фигурой стороны обвинения и, одновременно, наиболее активным субъектом доказывания является следователь, не позволяет полностью централизовать обвинительную власть и сосредоточить ее в одном лице – прокуроре. По мнению диссертанта, в силу ограниченного характера действия принципа состязательности на досудебных стадиях процесса, требование соблюдения процессуальной самостоятельности следователя, как субъекта уголовного преследования – это не просто забота о его объективности и исключении «обвинительного уклона», но и дополнительная гарантия защиты прав других участников процесса: подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего и гражданского истца. Подчинение же следственного аппарата прокурору, уменьшает шансы других участников процесса добиться принятия справедливого решения, так как они достаточно часто вынуждены смиряться противодействием и инертностью системы обвинительных органов государства, подчиненных прокурору.

На основе данных положений, дается вывод о необходимости усиления

действия принципа процессуальной самостоятельности субъектов уголовного преследования, в особенности, следователя, в его отношениях с прокурором. Отстаивается курс на создание условий для развития плюрализма в отношениях между субъектами уголовного преследования при осуществлении данной функции. Для этого, в частности, предлагается ограничить полномочия прокурора по руководству расследованием, предоставив ему только право давать следователю обязательные к исполнению поручения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Указания прокурора по любым иным вопросам не должны быть обязательными для следователя. Отношения между этими субъектами должны быть в большей степени процессуально-правовыми, нежели административными, с соблюдением самостоятельности каждого из них.

Предлагается также заменить «разрешительный порядок» производства следственных действий и принятия процессуальных решений, подлежащих судебному контролю и, одновременно, предусматривающих получение предварительного согласия прокурора, на «уведомительный» порядок, при котором следователь имел бы возможность самостоятельно заявлять суду ходатайство о производстве следственного действия или применении меры пресечения, а прокурору направлял бы только копию вынесенного постановления и ходатайства перед судом.

В третьем параграфе – «Проблема процессуальной самостоятельности государственного обвинителя» – рассматриваются взаимоотношения между субъектами уголовного преследования со стороны государства в стадии судебного разбирательства, каковыми являются должностные лица, осуществляющие прокурорские функции. На основе анализа различных научных взглядов, высказанных в литературе по этому вопросу, в диссертации показано, что прокурор, выступающий в роли государственного обвинителя, в многом связан позицией, изложенной в обвинительном заключении, отражающей результат деятельности всех субъектов уголовного преследования. В отношениях между ним и вышестоящим прокурором, действуют принципы централизации и единоначалия, лежащие в основе построения органов прокуратуры РФ. Отмечено, что, в отличие от процессуальных отношений между следователем и прокурором в ходе предварительного расследования, «внутрипрокурорские» отношения по поводу согласования единой позиции в судебном разбирательстве носят больше административный характер. В диссертации не поддерживается предложение некоторых авторов (И.Л. Петрухин, Х. Аликперов, Т.Г. Николаева) о необходимости правовой регламентации этих отношений в действующем УПК РФ. Диссертант исходит из того, что государственный обвинитель обладает процессуальной самостоятельностью в определении своей позиции по делу. Вместе с тем, попытки установить в УПК РФ правила и гарантии ее соблюдения противоречат принципу единоначалия прокуратуры. В то же время проблема согласования позиций может быть решена ведомственными нормативными актами.

Третья глава – «Участие частных лиц в процессуальных отношениях при осуществлении уголовного преследования» посвящена одному из наиболее актуальных вопросов современного уголовного процесса, сформулированному в названии главы.

В первом параграфе «Заявитель – как субъект уголовного преследования в стадии возбуждения дела» рассматриваются процессуальные отношения с участием частных лиц – заявителей, возникающие при осуществлении уголовного преследования на этапе возбуждения дела. Констатируется, что, упоминая о заявителе, закон четко не определяет его правовой статус, а также круг лиц, которые могут вступать в процесс в таком качестве. Отмечено, что и ранее, до принятия нового УПК РФ, в литературе уже обращалось внимание на то, что заявитель является одной из значимых фигур на этапе возбуждения уголовного дела. Потому с неопределенностью его статуса согласиться нельзя. В силу данных обстоятельств, диссертант полагает, что правовой статус этой процессуальной фигуры нуждается в детальном исследовании. Анализ содержания и характера прав заявителя, позволяет сделать вывод, о том, что частные лица, выступающие в роли заявителей, должны быть признаны субъектами уголовного преследования. Сам факт подачи заявления о возбуждении уголовного дела, содержащего описание обстоятельств совершенного или готовящегося преступления с просьбой о привлечении к уголовной ответственности конкретных лиц, придает деятельности заявителя обвинительный характер.

Исследование практики применения положений УПК РФ, регламентирующих возбуждение уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения, показывает, что отсутствие в законе четко определенного статуса заявителя часто влечет существенные нарушения его прав и законных интересов, которые имеют конституционно-правовую основу: конституционные принципы возлагают на соответствующие органы государства в лице следователя, органа дознания, прокурора, обязанность обеспечить права и законные интересы пострадавших, в том числе и в сфере уголовного преследования. Нарушения прав пострадавших – заявителей проиллюстрированы диссертантом на конкретных примерах из судебной следственной практики.

На этой основе дается вывод о том, что процессуальный статус заявителя – субъекта уголовного преследования должен быть четко определен в законе. Предлагается наделить заявителя достаточно широким кругом прав для реализации его процессуальной позиции, аналогичным правам потерпевшего, в стадии расследования.

Второй параграф – «Проблемы реализации права потерпевшего (гражданского истца) на участие в уголовном преследовании» – посвящен малоисследованным в науке уголовного процесса проблемам участия потерпевшего (гражданского истца) в уголовном преследовании, осуществляемом в стадии предварительного расследования по делам публичного и частно-публичного обвинения. Отмечается, что более чем

пятилетняя практика применения нового УПК РФ показала, что, несмотря на укрепление процессуального статуса потерпевшего, желаемых результатов все же не достигнуто. Одно лишь формальное отнесение фигуры потерпевшего к стороне обвинения, без предоставления ему каких-либо реальных процессуальных гарантий, не смогло превратить его в активного участника отношений в сфере уголовного преследования. Проведенные диссертантом социологические исследования показали, что, пока еще не изменилось отношение сотрудников правоохранительных органов к роли потерпевших, нередко отождествляемой ими с положением свидетеля, «источника информации» для следствия, нежели с ролью настойчивого обвинителя. Отмечается необходимость достижения определенного баланса в отношении потерпевшего с государственными органами – между обязанностью государства защищать интересы потерпевшего и его правом на самостоятельное участие в уголовном преследовании. При этом, руководствуясь принципом: «каждый, кто защищает право, тот в узких пределах защищает право вообще» (Р. Иеринга), не следует отделять публичный интерес государства в уголовном процессе от частного (личного) интереса потерпевшего. По мнению диссертанта, потерпевший должен иметь возможность принимать активное участие в уголовном преследовании, а государственные органы обязаны обеспечить условия для эффективного осуществления им этой деятельности, при этом процессуальные гарантии прав потерпевшего должны быть усилены.

Критическому анализу подвергнуто существующее в литературе мнение, согласно которому в силу публичного характера уголовного процесса, права потерпевшего надежно защищаются государством, заинтересованным в проведении эффективного расследования и наказании виновного (З.В. Макарова, В.В. Мелешко, А.Н. Фоменко). Наиболее эффективной гарантией обеспечения для потерпевшего справедливого разбирательства по уголовному делу, является предоставление ему возможности самостоятельного участия в уголовном преследовании, что требует развития и подкрепления реальными процессуальными гарантиями в законе положения ст. 22 УПК РФ об участии потерпевшего в уголовном преследовании.

При этом наиболее острой и трудноразрешимой в науке уголовного процесса и практике проблемой является пассивность самих потерпевших в отстаивании своих прав. Для ее преодоления предложены некоторые конкретные меры, направленные на расширение прав потерпевших и установление процессуальных гарантий для их реализации. Гарантией права потерпевшего знать о предъявленном обвинении могло бы стать обязательное направление ему копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого (а до этого и копии протокола задержания лица в качестве подозреваемого), копии решения о применении мер пресечения к обвиняемому или подозреваемому и об отмене этих мер, копии обвинительного заключения. Потерпевший должен быть ознакомлен по его ходатайству с заключением эксперта, независимо от того подвергался ли он сам экспертизе или нет, а также

наделен правом предлагать своих экспертов, просить о постановке дополнительных вопросов, присутствовать при производстве экспертизы и давать объяснения эксперту. Потерпевший должен обладать правом на получение бесплатной юридической помощи за счет государства. Он вправе на всех этапах процесса получать копии жалоб, принесенных по делу, и обладать правом на участие в их рассмотрении судом, чтобы изложить свои возражения. Следует также поставить в зависимость от мнения потерпевшего принятие решения о применении меры пресечения и о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

В качестве реальной меры обеспечения прав потерпевшего, заявившего гражданский иск и выступающего в роли гражданского истца, предложено предоставить гражданскому истцу право самостоятельно заявлять и поддерживать ходатайства в суде об аресте имущества в целях обеспечения иска. Это право должно стать существенной мерой усиления самостоятельной и активной деятельности потерпевшего и гражданского истца по отстаиванию своей обвинительной позиции и эффективным способом обеспечения защиты их интересов.

Изучение практики показывает, что суды нередко указывают на невозможность проверки обоснованности постановлений органов уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, ссылаясь на нарушение принципа состязательности и недопустимость выполнения судом обвинительной функции. Такой подход перекрывает потерпевшим доступ к правосудию. В этой связи обоснован тезис о том, что состязательный процесс предполагает наличие спора между потерпевшим и обвинительной властью. Это означает, что потерпевшему должно быть предоставлено право обращения в суд за разрешением любого конфликта, возникающего между ним и государственными органами уголовного преследования. При этом суд обязан рассмотреть жалобу по существу, даже если она касается обоснованности решения органов расследования или прокурора, либо необходимости продолжения уголовного преследования.

Автор предлагает возвратиться и оценить в свете сложившихся реалий к ранее существовавшему институту возвращения уголовных дел для проведения дополнительного расследования. С опорой на положения международно-правовых актов и Конституции РФ, формулируется вывод о необходимости предоставления суду возможности возвращать уголовные дела в стадию предварительного расследования, но не по собственной инициативе, а только по ходатайству потерпевшего (гражданского истца), если проведенное расследование он считает несправедливым и нарушающим его конституционные права. Высказана точка зрения, что такой порядок наиболее соответствует интересам потерпевших и не создает в деятельности суда «обвинительного уклона».

В третьем параграфе – «Проблемы обеспечения прав потерпевших при отказе прокурора от обвинения» – рассматривается одна из самых острых на

сегодняшний день – проблема взаимоотношений между потерпевшим (гражданским истцом) и прокурором, выступающим в роли государственного обвинителя, при отказе последнего от обвинения.

Диссертант солидарен с авторами, выступающими против закрепления в новом УПК РФ правила об обязательном прекращении уголовного дела и уголовного преследования при отказе государственного обвинителя от обвинения, так как в этом случае ущемляются права потерпевшего, который не согласен с мнением прокурора, но не имеет процессуальной возможности отстоять перед судом свою позицию.

Бурное обсуждение в научных кругах, возникающей при отказе прокурора от обвинения коллизии интересов потерпевшего и органов обвинительной власти, привело к необходимости конституционного толкования соответствующих норм УПК РФ Конституционным Судом РФ, который, в принятом 8 декабря 2003 года Постановлении № 18-П попытался разрешить спорные вопросы. Диссертант детально анализирует правовую позицию, высказанную Конституционным Судом РФ по данному вопросу. Отмечается нерешительность, незавершенность и сдержанность высказываний Конституционного Суда РФ, вследствие чего, по мнению автора, указанное постановление не содержит четкого и ясного решения проблемы обеспечения прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения. Предоставив потерпевшему право обжалования принимаемого в данном случае постановления суда о прекращении уголовного дела, Конституционный Суд РФ не учел, что УПК РФ вообще не допускает обжалования соответствующего решения суда, следовательно, отсутствует и механизм такого обжалования. Постановлением Конституционного Суда РФ создана только формальная видимость соблюдения прав участников процесса, в то время как реальные гарантии реализации права на дальнейший пересмотр судебного решения, вынесенного ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения, отсутствуют. Решению данной проблемы посвящены десятки публикаций и монографий. Анализируя различные точки зрения, а также высказанные предложения относительно путей решения существующей проблемы, диссертант критически оценивает предложения поставить под контроль суда отказ прокурора от обвинения, либо вернуться к прежнему порядку, когда такой отказ не имел для суда обязательной силы. В этом случае, деятельность суда носит явно выраженный «обвинительный уклон». В диссертации отстаивается предложение о наделении потерпевшего правом самостоятельно поддерживать обвинение в случае отказа от него государственного обвинителя. Отмечается, что эта позиция во многом опирается и на позицию законодателя, который в ст. 22 и п. 16 ст. 42 УПК РФ предусмотрел право потерпевшего и его представителя на участие в уголовном преследовании и на поддержание обвинения в суде. Фактически такова же и правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлениях от 20 апреля 1999 года № 7-П, от 11 мая 2005 г. № 5-П, от 27 июня 2005 г. № 7-П, согласно которой потерпевший считается полноправным субъектом обвинительной деятельности,

выступающим в качестве «субсидиарного участника на стороне обвинения». Конституционный суд полагает, что прекращение дела судом или вынесение оправдательного приговора возможно лишь при отказе от обвинения «органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование», то есть прокурора и потерпевшего. Более того, в отличие от действующего УПК РФ, в первоначальном проекте этого акта содержалось положение, согласно которому отказ прокурора от обвинения не лишает права потерпевшего на поддержание обвинения (ч. 3 ст. 27 Проекта УПК РФ). Автор полагает, что такое решение проблемы вполне соответствует принципу состязательности и является наиболее эффективным способом обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Оно также соответствует общей концепции: «потерпевший – активный субъект уголовного преследования», обоснованной в диссертационном исследовании.

В заключении диссертации содержатся основные выводы, сформулированные диссертантом, а также предложения по совершенствованию действующего законодательства в сфере реализации уголовного преследования.

В приложениях приведены образцы программ эмпирических исследований, проведенных при подготовке диссертации, а также справки о результатах этих исследований.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

I. Научные статьи, опубликованные в ведущих периодических изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Бубнов, Р.Г. Процессуальное положение прокурора и следователя как субъектов уголовного преследования / Р. Г. Бубнов / Вестник Самарского Государственного Университета. Гуманитарная серия. – Самара. – 2006. – № 5/2 (45). С. 165 – 170.

II. Научные статьи, опубликованные в вузовских сборниках:

1. Бубнов, Р.Г. Взаимоотношения субъектов обвинительной деятельности и суда / Р.Г. Бубнов / Актуальные проблемы уголовного процесса России: Сборник научных статей / Под. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет». – 2005. С. 163 – 175.

2. Бубнов, Р.Г. Проблема отказа прокурора от обвинения / Материалы всероссийской студенческой научно-практической конференции «Эволюция российского права». УрГЮА, Екатеринбург, 14-15 апреля 2003 г. С. 40 – 46.

3. Бубнов, Р.Г. О взаимоотношениях субъектов уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела // Юридический аналитический журнал. – 2006. – № 2 (16). С. 102 – 111.

Подписано в печать 25 октября 2006 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Объем 1 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1301

443011 г. Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано УОП СамГУ